

ДИНАМИКА МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК РОССИЯН

С начала посткоммунистической трансформации России прошло уже больше двадцати лет. Это уже во многом другая страна, сталкивающаяся с совершенно иными проблемами и вызовами, чем двадцать, десять и даже пять лет назад. В том числе и в идейно-политической сфере, где происходит формирование как самых общих представлений индивидов и отдельных групп об окружающей их действительности, так и «опредмечивание» этих представлений в те или иные идеологические и политические установки. На этот процесс оказывают влияние множество самых разных факторов, среди которых первостепенное значение имеют:

1. Изменения в экономическом и социальном укладе жизни общества, формирование многочисленного среднего слоя, который по разным оценкам достигает от трети до половины трудоспособного населения страны и который начинает все активнее выступать «ретранслятором» как мировоззренческих, так и поведенческих установок. Другой вопрос, что «качество» этого среднего слоя разными экспертами оценивается по-разному, так же, как по-разному оценивается характер изменений, которые произошли в стране за последние 15–20 лет. Например, И. Дискин полагает, что традиционалистская Россия со слепым подчинением авторитетам и государственным идеологиям ушла в прошлое и за последнее десятилетие появилась «Новая Россия». Впервые в истории появились массовые слои, ориентирующиеся на индивидуальный выбор и личную ответственность. Для них высокое значение имеют ценности суверенитета личной и партикулярной жизни, которые они стремятся защищать от любой экспансии государства¹. Схожего мнения придерживается И. Клямкин и Т. Кутковец, подчеркивая, в частности, что вектор развития российского общества, вопреки распространенному мнению, явно направлен в сторону, противоположную традиционализму. Общество все больше отторгает отношение к себе как к пассивному объекту государственного управления и государственной опеки. А представления о «народе-овоще», состоящем из инертных, пассивных и ленивых людей, неспособных на самостоятельную и ответственную инициативу, – миф².

¹ Дискин И.Е. Революция против свободы. Сборник. М., Издательство «Европа», 2007. С. 224.

² Кутковец Т, Клямкин И. Нормальные люди в ненормальной стране // Вниз по вертикали. Первая четырехлетка Путина глазами либералов. М. КоЛибри. 2005. С. 51–52.

Напротив, другие, в частности В. Федотова, крайне резко оценивают характер самой постсоветской трансформации и те нравы, которые в ее результате начинают доминировать в российском обществе. В происходящих в стране процессах она видит, прежде всего, архаизацию сознания и поведения очень многих людей, причем осуществляемую с подачи власти в обмен на лояльность. По ее мнению, Россия получила такой «удар капитализма», от которого она не в состоянии оправиться до сих пор. Отсюда – посттоталитарная травма, посттоталитарная апатия, выражаемая в синдроме недоверия, мрачном взгляде на будущее, ностальгии по прошлому, которая, по ее мнению, радикально отличается от «пресыщенной апатии» Запада³. Юрий Афанасьев вообще считает, что российское общество регрессирует практически во всех областях, никакого массового среднего класса в стране нет и делает неутешительный вывод, что давно пора признать тот факт, что мы – бедная отсталая страна, а усредненная серость, усредненная бедность и святая усредненная простота, являясь элементами традиционного общества, также наша характерная особенность. Другая, не менее важная особенность России, по Афанасьеву, это несовременное, мифологическое, нерациональное сознание ее граждан⁴.

Не вдаваясь в это спор по существу, хотелось бы отметить, что истина лежит где-то посередине, поскольку в современной России весьма причудливо переплетаются как традиционные, так и современные компоненты. В том числе, в сознании и поведении россиян. Это создает большие сложности и «ловушки» для анализа, когда социологи сплошь и рядом сталкиваются с ситуацией заметного расхождения между декларируемыми ценностями и жизненными стратегиями, поведенческими моделями, когда, например, люди вполне успешно адаптировавшиеся к новым условиям жизни в стране и демонстрирующие такие качества, как индивидуализм, открытость для нового опыта, рациональность мышления и т. д., придерживаются тем не менее «левых» взглядов. И, соответственно, наоборот.

2. Перемены в политической жизни страны, среди которых одной из важнейших является утрата политиками и идеологами монополии влияния на умы людей. Сегодня, и это показывают все исследования, политика гораздо менее актуализирована, чем 10–15 лет назад, когда политические баталии были в центре общественного внимания, вызывали неподдельный интерес, а лидеры политических партий являлись любимцам и кумирами миллионов людей. В настоящее время серьезную конкуренцию им составляет индустрия развлечений и массовой культуры, которая продвигает свои собственные мировоззренческие конструкты и образы,

³ Федотова В. Русская апатия как противостояние хаосу // Политический класс. 2005. № 1. С. 41.

⁴ Афанасьев Ю.Н. Россия – несвременная страна // Свободная мысль. 2004. № 11. С. 7–8.

модели поведения, оказывающие в силу своей эмоциональной окрашенности большее влияние на людей, чем привычные формы работы с массами, используемые политиками и политическими партиями. Многие также обращают внимание на то, что сама власть и политика становятся разновидностями товара, «пакуемого и продвигаемого» в соответствии с предпочтениями целевых аудиторий, законами и технологиями масскульта, в результате чего политика начинает становиться производной массовых вкусов, запросов и представлений, развивающихся в направлении тотального усреднения⁵.

3. Заметное изменение идентификационного пространства, связанное в том числе, с переосмыслением как советского, так и постсоветского периода жизни страны. Все исследования показывают, что все ключевые символы величия и гордости россияне в основном черпают в советском прошлом страны. Ни в России до 1917 года, ни после 1991 года ничего такого, чем можно было бы всерьез гордиться, они не обнаруживают. В то же время, самые последние опросы говорят о том, что современный россиянин, особенно молодой, все дальше отдаляется от советской истории, и если гордится советским прошлым, то «на расстоянии». Во всяком случае, жить россияне хотят здесь и сейчас. В результате общество «зависло» на промежуточной ступени между распадающейся советской идентичностью и так до конца и не состоявшейся российской. Во многом именно поэтому идея «великой державы» в последние годы получила «второе дыхание».

4. Заметная прагматизация массового сознания, уход от чисто доктринальных основ идентификации и вплетение идейно-политических установок в контекст других, прежде всего, социально-экономических идентификационных факторов. «Революция ожиданий» закончилась очень быстро, в начале 90-х годов и все последующие годы происходил постепенный отказ от априорной веры в какие-либо идеологически окрашенные проекты жизнеустройства. Абстрактные формулы – либерализм, социализм, рыночная экономика и т.п. – давно уже не ласкают слух наших сограждан, которые все чаще отдают приоритет инструментальным ценностям.

Это обстоятельство в наибольшей степени повлияло на восприятие нашим обществом ценностей демократии и ее институтов. Все исследования показывают, что отношения к ним можно охарактеризовать, как «благожелательный скептицизм», когда вера в идеалы демократии сочетается со скепсисом в отношении ее инструментальных возможностей, способности ответить на новые вызовы времени, и, прежде всего, обеспечить законность и правопорядок, реализацию социально-экономических прав граждан. Поскольку этого в реальности нет, в

⁵ Дегоев В. Самоослепление - новая политическая мифология России. Политический журнал 2006 №45-46, С.7

массовом сознании происходит «селекция» жизненных и ценностных приоритетов, когда демократия и права человека все чаще воспринимаются как ценности второго, третьего ряда, которые признаются важными, но не актуализированы настолько, чтобы бороться за их утверждение всеми доступными, легальными способами. Даже в социально-экономической сфере, где ситуация с правами граждан уже не может быть интерпретирована только в категориях социальной дифференциации.

Эти и некоторые другие факторы определяют динамику мировоззренческих и идеологических установок россиян. Общий вектор изменений - отчетливо выраженный процесс деидеологизации и деполитизации общественной жизни, который, впрочем, не сопровождается достижением общественного консенсуса даже по базовым ценностям. Основные противоречия, существующие в обществе из сферы политики и идеологии перемещаются в сферу социально-экономических отношений, социокультурных и национальных дифференциаций.

Так, по данным ВЦИОМ, ценностные и идеологические различия еще 10 лет назад раскалывавшие общество, сегодня воспринимаются россиянами как менее важные, чем межпоколенческие, межнациональные, межконфессиональные различия, не говоря уже о социальных дифференциациях. Во всяком случае, число оценивающих идейные и партийные различия, как противоречия высокой степени интенсивности («весьма значимые»), составляет лишь четверть опрошенных (26%). Малозначимым это противоречие считает треть опрошенных (35%). Главная же линия напряжения в современном российском обществе пролегает, как и следовало ожидать, между богатыми и бедными. Причем, по накалу интенсивности противоречие между богатыми и бедными превосходит все остальные межгрупповые взаимодействия в 1,5–2 раза (83% оценивают его как «весьма значимое») (см. табл. 1).

Таблица 1

Какие различия между группами и слоями в настоящее время кажутся Вам значимыми, а какие нет?*) (в %)			
	<i>Весьма значимое</i>	<i>Умеренно значимое</i>	<i>Мало значимое</i>
По доходам (бедные, богатые, средний класс)	83	12	4
Социально-классовые (рабочий класс, интеллигенция, бизнесмены и т.д.)	53	27	16
Поколенческие (молодежь, средний возраст, пожилые)	40	34	23
Национальные (русские, другие национальности)	38	36	25
Поселенческие (жители столиц, больших, средних и малых городов, сел)	35	32	31
Региональные (Центр, Дальний Восток, Сибирь и т.д.)	28	35	33
Идейные и партийные («левые», «правые», коммунисты, демократы, либералы и т.д.)	26	36	34
Религиозно-конфессиональные (православные, мусульмане, католики и т.д.)	26	35	36

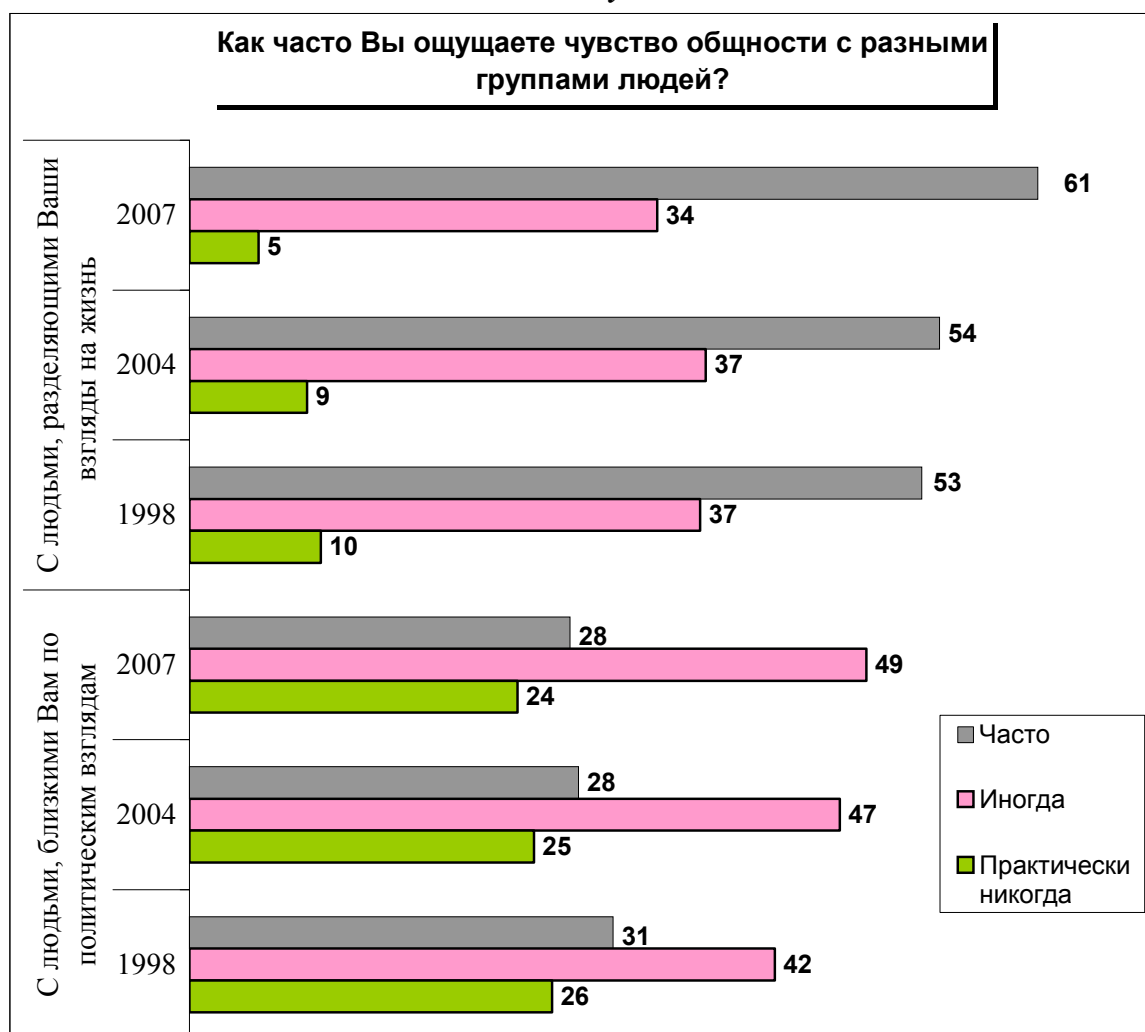
* Сумма ответов по строке менее 100%, поскольку в таблице не приводятся данные о затруднившихся ответить.

Источник: Экспресс ВЦИОМ, февраль 2006 г.

В этих условиях россиянам все в меньшей степени адекватной представляется старая партийно-политическая система, унаследованная от 90-х годов с доминирующим характером именно идейно-политических различий. Три основных идейно-политических течения российского общества, которые задавали тон, формировали идеологическую палитру и на ее основе партийно-политический расклад в середине и конце 90-х годов, сегодня находят все меньше приверженцев. Лишь 14% опрошенных, по данным ВЦИОМ, идентифицируют себя с «левыми» – сторонниками социальной справедливости, примерно столько же (13%) с «правыми» – сторонниками развития рынка и политической демократии; еще 10% симпатизируют «русским патриотам» – сторонникам русских национальных ценностей. Четверть опрошенных (25%) заявили, что у них нет однозначных предпочтений; и еще треть (31%) – что их не привлекают ни «правые», ни «левые», ни патриотические идеи. То есть более половины россиян идеологически не идентифицируют себя в рамках старой, сложившейся «триады», что делает практически невозможным или крайне затруднительным формирование крупных политических партий однозначно «левой» или «правой» ориентации. И, напротив, открывает новые возможности для «Единой России», которая «играя» по всему политическому полю (вслед за президентом), все настойчивее позиционирует себя в качестве общенациональной партии, выражающей интересы практически всех групп и слоев общества.

То, что у большинства людей слаба потребность в политической самоидентификации подтверждаются результатами последнего опроса ИС РАН (август 2007 года). Лишь чуть больше четверти опрошенных говорят о том, что они часто ощущают общность с людьми, близкими им по политическим взглядам и позициям. Заметно больше доля респондентов, которым близки люди, разделяющие их взгляды на жизнь (см. рис. 1).

Рисунок 1

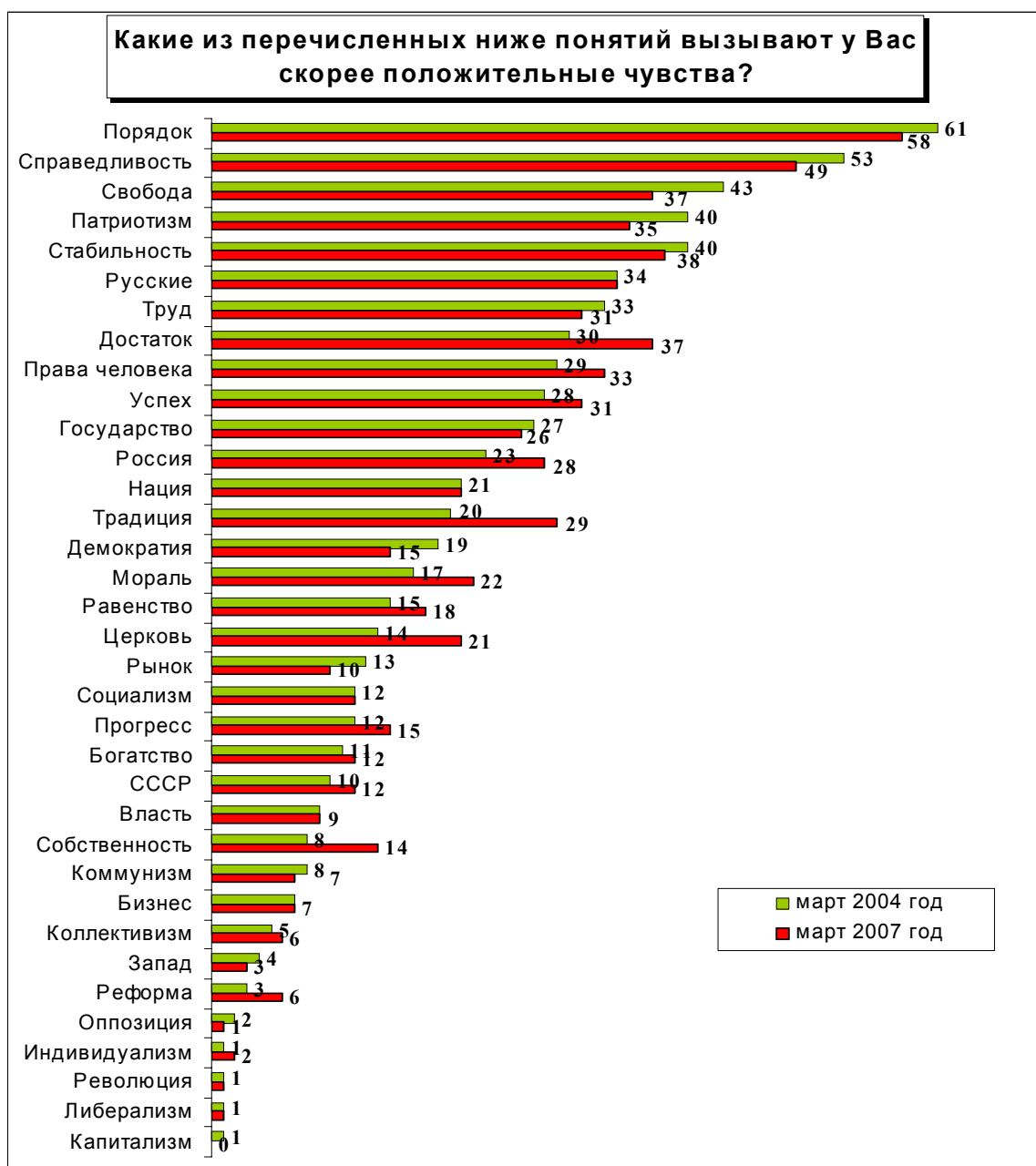
Источник: исследование ИС РАН «Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить». Август 2007 г.

То, что сегодняшнее поколение россиян менее политизировано, вовсе не означает, что у него потребность в идеологической и политической идентификации полностью атрофирована. Она сохраняется, но носит не столь простой и линейно-дихотомический характер, как 10–15 лет назад, когда идейно-политическая дифференциация укладывалась в бинарные оппозиции: коммунисты – демократы, реформаторы – консерваторы, и т. д. Это отчетливо проявилось в исследованиях ВЦИОМ 2004–2007 гг., в ходе которых респондентам предлагалось высказать свое отношение к понятиям и терминам, представляющим собой ценностную палитру современной российской жизни. Среди понятий, вызывающих наиболее позитивные чувства, как видно из нижеприведенных данных, лидируют порядок (58 %), справедливость (49 %), стабильность (38%), свобода и достаток (по 37 %). Причем, за последние 3 года заметно

актуализировалось понятие «достаток» и, напротив, сократилось число тех, кто называл «свободу».

Это еще раз подтверждает тот очевидный факт, что россияне мыслят не доктринально, что они рассматривают понятия свободы, материальной обеспеченности, справедливости и порядка не как конфликтующие оппозиции, а как ценности, в равной степени необходимые для нормальной жизни страны и каждого отдельного человека (см. рис. 2).

Рисунок 2.

Источник: Мониторинговые исследования ВЦИОМ 2004-2007 гг.

Обращает на себя внимание и то, что, чем более «идеологически нагруженным» является то или иное понятие, тем больше оно вызывает неприятие. Как видно из вышеприведенных данных, наибольшее отторжение вызвали такие понятия, как «либерализм» и «капитализм». И это понятно, поскольку за этими короткими словами стоит не только своя традиция, но и реализованный в той или иной степени социальный проект. При этом россияне не имеют ничего против, например, рыночной экономики и демократии, но их категорически не устраивала и не устраивает «российская версия» капитализма. Впрочем, прохладное отношение многие россияне демонстрируют и к знаковым понятиям «левой идеи» («СССР», «коммунизм», «революция» и т.д.), что свидетельствует о том, что и опыт «построения социализма» в России видится ими отнюдь не в ностальгических тонах. Этот исторический спор о преимуществах или пороках указанных социальных проектов, по всей видимости, еще долго будет определять политическую жизнь страны. Хотя надо признать, что молодое поколение этот спор интересует все меньше. И уже в силу этого он теряет былую остроту и становится менее конфронтационным.

Что же касается понятий, которые в наибольшей степени «ласкают» слух россиян, то в том, что это именно «порядок», «справедливость», «стабильность», «свобода», «достаток», во-первых, нет ничего экстраординарного, а во вторых, специфически российского. Это ценностная палитра, которая определяет приоритеты любого демократически организованного общества. В то же время в интерпретации некоторых важных понятий и идеологем нашими согражданами, есть, безусловно, определенная специфика, связанная с особенностями жизни страны последних пятнадцати-двадцати лет.

Это, прежде всего, относится к такому ключевому для российской ментальности понятию, как **государство**. Здесь особенно рельефно проявляются «метания» среднестатистического россиянина. Безусловно, в современной России практически не осталось тех, кто интерпретирует данное понятие в терминах начала 90-х гг. – как «монстра», «империи зла», «Верхней Вольты с ракетами» и т.п. Большинство наших сограждан (73%) убеждены, что Россия должна восстановить свою былую мощь и могущество, причем, главным образом за счет укрепления государственных институтов. Однако когда речь заходит о восстановлении «командных высот» государства в экономике, еще более жесткого, чем сегодня, контроля государства за бизнесом, то здесь уже респонденты менее категоричны, особенно молодежь (51% – «за», 48% - «против»). И, наконец, большинство опрошенных (68 и 60%) включают государству «красный свет», в случае, если во имя каких-то высших интересов могут быть ограничены права и свободы граждан (см. рис. 3).

Источник: исследование ИС РАН «Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты». Июнь 2007.

Никуда не делся конфликт не только в элитах, но и в обществе по поводу различного восприятия государства – если для одних это, по-прежнему, категория «высшего порядка», своего рода «сверхценность», то другие делают акцент на его «сервисных функциях» (социальная защита, система здравоохранения и образования, судебная система и т.п.).

Причем, это противоречие, судя по всему, будет только нарастать, поскольку на фоне патриотической риторики о величии России и укреплении ее государственности все более очевидным становится кризис всей социальной инфраструктуры государства, ее неадекватность запросам и потребностям тех групп и слоев российского общества, которым не требуется «отеческая опека и защита» с его стороны. Речь идет об активной части населения, которая нуждается в справедливых правилах игры, возможностях честно работать и честно зарабатывать; беспристрастных судах, которые могли бы защитить от любого произвола как собственного начальства, так и чиновничества; милиции, которая берегла бы не только

имущество, но и здоровье и покой граждан, наконец, в социальных институтах и органах местного самоуправления, которые обеспечивали бы поддержание социальной инфраструктуры (ЖКХ, дороги, школы, больницы, детские сады и т.д.) в надлежащем виде. Ничего этого, как правило, нет, что вызывает все возрастающее недовольство.

Также достаточно противоречивая картина складывается вокруг такого чувствительного для самосознания россиян «идентента», как **национальный вопрос**, состояние **межнациональных отношений**. Нет оснований считать, что Россия переживает «взрыв этнофобии» - большинство наших сограждан демонстрируют высокий уровень этнической толерантности, полагая, что «Россия – общий дом всех народов, ее населяющих». Именно национальная терпимость, которую иногда не хотят замечать некоторые как отечественные, так и зарубежные исследователи, не только «блокирует» межнациональные конфликты в стране, но и не дает возможность радикальным националистическим организациям всерьез заявить о себе в политике. С другой стороны, нельзя не видеть и того, что доля «интернационалистов» за последние 10 лет заметно сократилась – с 64% в 1998 году до 48% – прежде всего за счет мягких националистов, которые полагают, что «все народы, населяющие Россию, равны, но русские как системообразующая нация должны иметь больше прав» (см. рис. 4).

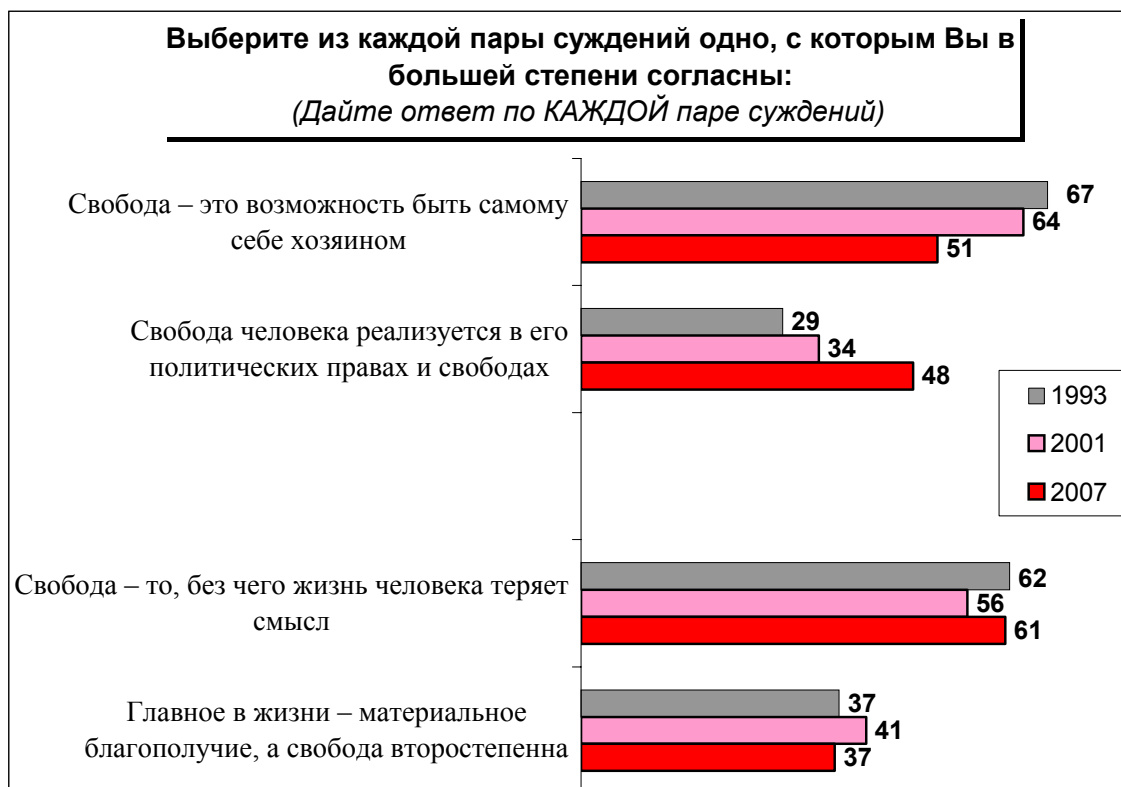
Рисунок 4

Источник: мониторинговые исследования ИС РАН 1998 -2007гг.

Но самая тревожная тенденция заключается в том, что идея «России для русских» начинает «овладевать» умами значительной части российской молодежи. В жестком варианте эта идея импонирует четверти молодых респондентов, в более мягком – 44%. При этом хотелось бы подчеркнуть, что «русская идея» – это «пакетная» ценность, которая приобретает особо опасные очертания в тех случаях, когда ее удастся совместить с социальным недовольством. Особенно, когда не удастся канализировать это недовольство в легальные формы, что называется, «докричаться до властей», как это было в Кандопоге.

Весьма неоднозначным является отношение россиян и к таким понятиям, как *свобода и порядок*. Исследования не подтверждают широко распространенную точку зрения, согласно которой русскому национальному сознанию свойственно понимание свободы исключительно как «воли», отражающее стремление миллионов людей быть свободными от любого гнета (государственно-бюрократического, помещичьего, коммунистического и др.). Россияне, безусловно, дорожат обретенным правом на частную жизнь, на возможность ее «строить» «без оглядки», в том числе и на государство. Даже если это связано с серьезными материальными лишениями. В то же время, понимание свободы как важнейшей смыслообразующей ценности, которая проявляется, в том числе, и в гражданских правах, также не чужда многим россиянам. Причем, как видно из нижеприведенных данных, число опрошенных, интерпретирующих свободу как волю, сокращается, а доля тех, кто уверен, что свобода человека реализуется в его политических правах и свободах, растет. Соотношение значимости свободы и роли материального достатка за последние 15 лет практически не изменилось (см. рис. 5).

Источник: исследование ИС РАН «Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить». Август 2007 г.

Что же касается фиксируемого опросами общественного мнения запроса на порядок, то за ним лежит отнюдь не только социокультурная традиция и уж тем более не вековая рабская психология русских, а реакция на вполне конкретные обстоятельства жизни. В частности, на хаотичность тех общественных процессов, с которыми сталкивалась страна на протяжении последнего десятилетия. Ведь современная Россия – это классическое «общество риска», где появившиеся возможности для самореализации активных групп населения причудливым образом сочетаются со страхом, несправедливостью и т.п., являющимися в каком-то смысле обратной стороной обретенной свободы, возможностью строить свою жизнь в соответствии с собственными представлениями. Отсюда и спайка в сознании многих россиян идей свободы и безопасности в надежде на такой социальный порядок, который бы обеспечивал и то, и другое. С этой точки зрения ставить знак равенства между запросом на порядок и запросом на авторитаризм и полицейщину было бы неправильным и несправедливым.

Весьма многозначным и многоаспектным является отношение наших сограждан к понятию *справедливость*. Эмпирические исследования не подтверждают еще одну распространенную

точку зрения, согласно которой российский менталитет отличает склонность к уравнилности, а россияне только и мечтают о том, чтобы «все отнять и поделить». На самом деле количественное соотношение между сторонниками социальной справедливости как равенства стартовых возможностей, равенства всех граждан перед законом и – как «уравниловки» примерно такое же, как между сторонниками свободы и материальной обеспеченности – это соотношение варьируется в диапазоне 3:2 и 2:1 (см. рис. 6).

Рисунок 6

Источник: Экспресс ВЦИОМ. Май 2006 г.

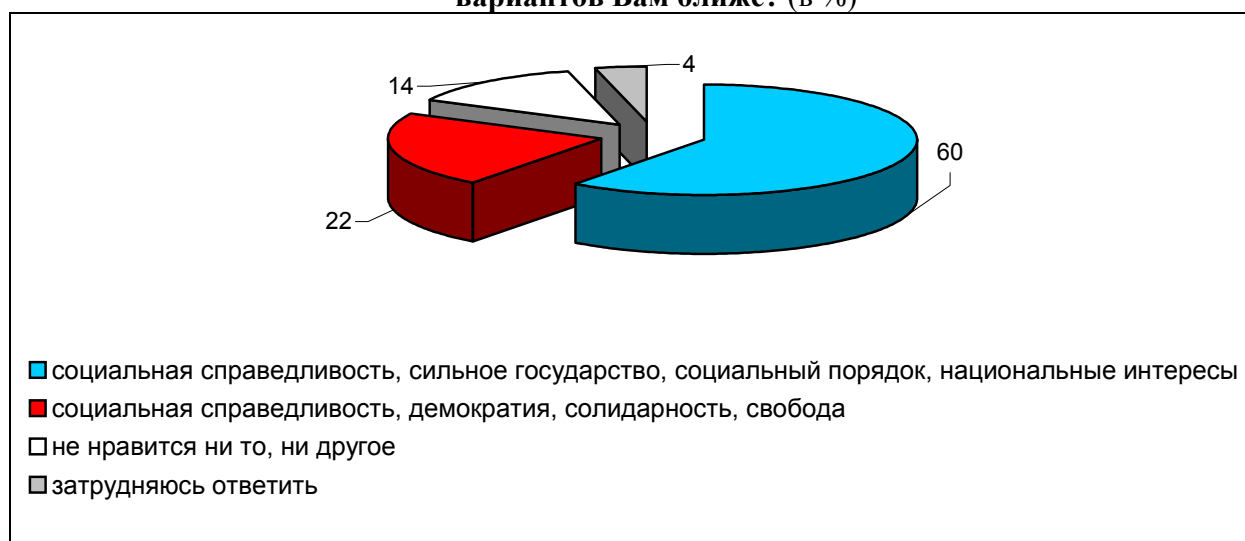
Но для обеспечения этого равенства необходима сильная дееспособная власть, и, именно поэтому россияне рассматривают социальную справедливость в связке с сильным государством, социальным порядком, национальными интересами, и в гораздо меньшей степени с развитием демократии, солидарности и свободы. В первую очередь, это происходит из-за того, что россияне хорошо помнят, чем закончился «уход», а иногда и бегство государства из социальной сферы в 90-е годы. В этом плане им крайне важной представляется проблема, которая многим кажется неразрешимой — как соединить идеи демократии, свободы, справедливости с идеей государственности, а ее, в свою очередь, трансформировать в эффективную дееспособную власть. Именно этим обусловлен высокий уровень поддержки ныне действующего президента, который долгое время рассматривался населением как олицетворение «хорошего государства»,

которое вместе с обществом противостоит «плохой власти» и, прежде всего, ненавистному во все времена чиновничеству. Другой, не менее важной, причиной указанной «связки» является крайняя слабость и еще большая неэффективность (даже по сравнению с государственными институтами) того, что принято называть структурами гражданского общества – партий, профсоюзов, общественных объединений и т.п. (см. рис. 7).

Так или иначе, сторонников неоконсервативной версии справедливости заметно больше, чем сторонников, условно говоря, лево-либеральной, социал-демократической.

Рисунок 7

Если развивать идею социальной справедливости, то какой из двух следующих вариантов Вам ближе? (в %)

Источник: Экспресс ВЦИОМ. Май 2006 г.

Говоря о том, что понятие справедливости в российском массовом сознании не тождественна «уравниловке», нельзя в то же время не видеть заметной актуализации проблемы социального расслоения, которое беспокоит сегодня практически все слои, группы российского общества. Характерно, что в чрезмерной социальной дифференциации россияне видят главную угрозу российской демократии. Так, только за последние два года доля тех, кто фиксирует эту угрозу, выросла с 30 до 45% (см. рис. 8).

Источник: Мониторинговые исследования ВЦИОМ 2004– 2006гг..

Указанное противоречие нельзя сводить исключительно к материально-имущественной стороне дела, как проявление неприязни бедных, малоимущих к своим более успешным согражданам. Россияне, называя противоречие между богатыми и бедными в качестве определяющего, возможно интуитивно, но очень четко фиксируют новые линии социального противостояния – социокультурного раскола между культурой и образом жизни «социальных верхов» и культурой массовой, «срединной». Неслучайно, в иерархии угроз вторую позицию занимает сращивание высшей бюрократии и олигархии, причем, заметно выросла доля россиян, считающих именно так. В 2004 г. их было 15 %, в 2006 – 24%⁶.

⁶ Очень точно определил данное явление главный редактор журнала JQ Н.Усков – «Путинский гламур», когда

В тоже время, хотелось бы подчеркнуть, что мобилизационный потенциал запроса на справедливость сравнительно невелик. Во-первых потому, что он, в первую очередь, адресован власти, во-вторых, потому что сама справедливость воспринимается очень многими россиянами скорее как этическая категория, выражающая недовольство ситуацией, когда жизненный успех (карьера, материальное благополучие) и следование общепринятым моральным принципам и установкам не совместимы. И, наконец, в третьих, и это, пожалуй, самое главное, стремление к справедливости в современной России практически никак не сопряжена с солидарностью, готовностью за эту самую справедливость бороться. Во всяком случае, установка на взаимную поддержку, солидаризм, готовность к решению общих дел среди россиян не получает пока достаточного распространения. Особенно среди активной части населения (молодежь, представители высоких и средних слоев) (см. табл. 2). Неслучайно, в постсоветской России практически не было массовых протестных выступлений солидаристского типа. Даже выступления пенсионеров в 2005 г. у поколения их детей и внуков особой поддержки не получили.

Таблица 2

С каким из ниже приведенных суждений Вы скорее согласны: «Чтобы добиться чего-то важного в жизни...?»		
	...следует действовать сообща, вместе с другими, у кого те же проблемы	...следует рассчитывать только на собственные силы
Возраст		
18-21	42	58
22-26	45	55
27-30	43	57
31-40	46	54
41-50	52	48
51-60	54	46
Старше 60	62	38
Уровень материального благосостояния		
Высокообеспеченные	29	71
Среднеобеспеченные	45	55
Низкообеспеченные	52	48
Живут за чертой бедности	63	37

Источник: исследование ИКСИ РАН «Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить», июнь-июль 2004г.

власть впервые за многие десятилетия советской и постсоветской истории позволила себе, наконец-то, отказаться от хрестоматийной скромности и стала наслаждаться жизнью // Н.Усков. Безобидное сверхпотребление. Независимая газета. 16 ноября 2007 г.

В этом смысле многие россияне, особенно молодое поколение, очень напоминают американцев, которые, по мнению К. Лэша (в отличии от европейцев), жертвуют солидарностью ради иллюзорной надежды на успех. «Они держатся за совершенно далекое от реальности представление об обществе, как лестнице, надеяться забраться вверх по которой может каждый, обладающий энергией и честолюбием. Хотя давно уже очевидно, что те, кто забрался по ней раньше, втянули лестницу за собой»⁷.

Итак, можно констатировать, что в современной России сохраняются ценностные и идейно-политические противоречия, которые, возможно, не так остры, как 10 и 15 лет назад, но которые оказывают серьезное влияние на жизнь страны. Но из этого вовсе не следует, что у россиян нет стремления к достижению общественного консенсуса и отсутствуют представления о желаемой модели справедливо организованного общества. Она есть, и сформировалась еще в перестроечные времена и сохранила удивительную жизнеспособность.

Как известно, в конце 80-х годов в общественном сознании возобладал некий умозрительный идеал, сконструированный из фрагментов, с одной стороны, советской системы (социальная справедливость, государственный патронаж и т.п., но без коммунистической идеологии), а с другой – из отдельных норм и принципов, заимствованных из западного образа жизни (рыночная экономика, высокий жизненный стандарт, свобода выезда, свобода печати, выборность органов власти и т.п.). И сегодня, судя по результатам исследования, наилучшей моделью для России признается строй, который «вобрал» в себя все лучшее из социализма и капитализма и, наоборот, отбросил «язвы» и того и другого. Приверженцами такой модели являются 46% россиян, в то время как лишь 18% хотели бы возврата советской системы, а 28% устраивает строй, основанный исключительно на рыночных отношениях (см. рис. 9). Обращает на себя внимание и то, что «смешанной модели» симпатизируют сторонники всех ведущих политических партий, за исключением КПРФ.

⁷ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., Логос, Прогресс, 2002. С. 47.

Источник: Экспресс ВЦИОМ. Ноябрь 2006 г.

Следует отметить, что и в восприятии идеальной модели произошли некоторые «подвижки»: если в конце 80-х – начале 90-х гг. образ справедливого государства был смещен в советское прошлое, и его можно было охарактеризовать, как «либерализированный брежневизм», то сегодня анализ эмпирических данных показывает, что идеалом большинства россиян является вариант «государства всеобщего благоденствия», органически сочетающий, с одной стороны, активную роль государства в экономике, сильную систему социальной защиты, а с другой стороны, невмешательство государства в частную жизнь граждан, смешанную экономику, политические и гражданские свободы.

В каком-то смысле эта версия – выражение присущей многим россиянам тяги к универсализму, к некому синтезу самых разных идей и смыслов, а также свидетельство формирования «право-левого» запроса, обусловленного тем, о чем уже говорилось ранее – многие россияне сегодня «либералы по жизни» и «левые» по мировосприятию. Это люди,

которые ориентированы на материальное преуспевание и индивидуальную самореализацию, но которых категорически не устраивает, во-первых, экспансионистская природа российского капитализма, образ и стиль жизни «новых русских буржуа». И, во-вторых, нарастающее доминирование в политической жизни неоконсерватизма, который постепенно приобретает черты официальной идеологии правящего класса. То есть в современной России начинает происходить ровно то, что имеет место в большинстве европейских стран, где «постматериальные», антибуржуазные настроения господствуют в основном уже не в рабочей среде, а среди высокообразованной и «продвинутой» части общества. В целом же можно констатировать, что идея создания в России общества, которое не было бы похоже ни на дикий капитализм 90-х, ни на советский социализм, овладевает массами. Безусловно, в этих настроениях очень силен «привкус» утопичности, упрощения социальной реальности, что, впрочем, вполне объяснимо, поскольку именно такое упрощение дает возможность любому человеку, даже не обладающему соответствующей информацией и знаниями, иметь, тем не менее, пусть стереотипный, но все же адекватный его восприятию образ того общества, в котором ему хотелось бы жить.

И это с этим обстоятельством всем ответственным политическим силам, рассчитывающим на общественную поддержку, следует считаться.